

Проханов Александр. Деревянные журавли. Книга слов. — М. : Вече : Наше Завтра, 2022. — 384 с.

ЛЮБЛЮ прохановские повести, особенно люблю. Как задумавший разговор, как детский взор, как раннюю весну. Они после стремительных, огненных, громокопьящих романов кажутся верному читателю лирической передышкой, когда мир вокруг тебя не распротёрся бескрайним космосом, а собрался весь на ладони.

Повесть "Деревянные журавли" подобна первым книгам Проханова "Иду в путь мой" и "Желтеет трава": она как первая любовь — вдохновенная, неизбывная, как первая исповедь — трепетная, слёзная, до самого доньшка души.

У героев повести нет имён. Да и зачем им имена — они Адам и Ева: мир нов для них, как для первых людей. Адам однажды усоп в Раю, и Бог вынул его ребро, чтобы сотворить Еву. Ева явилась герою на берегу подмосковной реки, когда мир дышал чистотой после семи дней творения.

Герои стали открывать этот мир: заснеженную Москву, гранитокрытый Ленинград, повеявшую древними поверьями Карелию. Всему стали давать имена: луна, озеро, рыба, стрелоза, брусника, ливень, метель, Анничков мост, Исакий, Медный всадник, любовь, страсть, семья.

Именовании, лучезарных и ароматных слов, накопилось так много, что надо было

собрать их в книгу — в "книгу странствий". Она начиналась с расписной буквы, Бог посмотрел на неё и увидел, что это хорошо. Родилась книга жизни, той, что длится, и той, что грядёт. Грядущее было видением, промельком в окне скоростного поезда, праздничным хоромом.

Из этого хора Адам однажды выхватил взглядом тонкое запястье со змееподобным браслетом. Браслет распрямился, заполз в сокровенный рай влюблённых.

АДАМ ПРОБУДИЛСЯ

Сновидения в прозе

Искушение — грехопадение — изгнание из рая. Мир всколыхнулся, всё в нём сорвалось с привычных мест, обрело искривлённые формы.

Этот содрогнувшийся мир, эта трагедия сподвигают на стихи. Вот такие:

*Распустила волосы любовь —
Промелькнули первые седины:
"Милый, милый, сердце приговоров
Ты к лихой, нерадостной године."*

*Тихий ангел, наш лучистый брат
Шар земной не удержал в ладони.
Так давай же этот райский сад
Сохраню хотя бы на иконе."*

Икона рая — та самая первая книга странствий. Образ рая удалось вынести из горящего дома. Но с той поры изгнаннику

Адаму пришлось добывать себе хлеб, хлеб жизни, в поте лица своего. Новые книги наполнились изнурительными трудами, бесконечно кровотокающими войнами, необратимыми катастрофами. Оказалось, что ты не только вписываешь в книгу прожитую жизнь, но и проживаешь уже кем-то написанные о тебе книги.

В своих скитаниях по греховному миру герой будто захочет спрятаться от Создателя.

— Где ты, Адам?
— Я ищу её, ту, с которой теперь в разлуке. Ищу наш потерянный рай.

Он пройдёт всеми кругами ада, проживёт без неё, как морок, какую-то параллельную жизнь, но сохранит в своём сердце драгоценную первую книгу. Она и сомкнёт разошедшиеся пути Адама и Евы, она и приведёт их после искупления туда, где прежде был рай.

Но из-за их разлуки в мире уже поселились смерть, тлен и вражда. Их разлука стала первопричиной всего, что случилось и при них и до них: война с Востока, крушение империи, противостояние Аввакума и Никона, страх тельца перед львом — всему виной их разлука. Земной мир останется болен ею до скончания дней. Потому любовь — великая ответственность не только друг за друга, но и

за всё мироздание: сохранившие любовь сохраняют мир.

В свой былой рай они придут уже смертными и встретят там смерть. Нет, не смерть — усение. Где прежде было древо жизни — кресты. Но от них струится тепло живого дерева, в них текут живые соки.

В заветный час кресты поднимаются ввысь деревянными журавлями. Летят над грешной землёй долгим клином, обнимают её пернатыми тенями.

Два деревянных журавля парят, нежно касаясь друг друга крыльями. Небо — это рай. И та подмосковная река, на берегу которой Адам когда-то встретил Еву, тоже была небом. Можно снова окунуться. Глубокий вдох...

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Иллюстрация: «Адам и Ева», художник Роберт Басс

Бычков Андрей. Всё ярче и ярче. Рассказы. — СПб. : Алетей, 2021. — 122 с.

ВНЕШНЕЕ непростое время жизнь дарит не так много позитива. Вышедшая в прошлом году книга мастера прозы Андрея Бычкова "Всё ярче и ярче" стала одним из заметных явлений русской литературной жизни.

Андрей Бычков известен не только в России, его произведения переведены на несколько языков. Бычков — прозаик, автор сценария вошедшего в русскую киноклассику фильма Валерия Рубинчика "Нанкинский пейзаж", лауреат премий "Нонконформизм" и Silver Bullet.

ЖИВЫЕ СЛАЙДЫ МИРА

От космоса внутреннего — к внешнему

Проза Андрея Бычкова — сверкающий сплав тщательно выверенной утончённой стилистики, под которой скрыта глубокая мощь трансцендентной философской рефлексии. Накал экзистенциального переживания героев — проникающее следствие вибрации вне бытия, внемирной и вневременной абсолютности.

Бычков по образованию физик-теоретик, кандидат наук, специалист по теории элементарных частиц. Его точный взгляд сквозит и в мастерском описании монад-мгновений хомо-бытийности. Жизнь его героев подобна стробоскопическим вспышкам, в читателя словно бы вонзается поток экзистенциальных картин, "живых слайдов", через которые веет надмирным холодом, через которые разглядывает Вечность...

"Так под звёздной ночью ты и вычертил зигзаг, двинулся в направлении противоположном, чтобы стать как та маленькая подсказка, только ещё меньше, гораздо меньше, как та невидимая частица, представитель некой опасной болезни, подобной той, от которой умер твой друг, и даже ещё элементарно меньше, как та странная частица, как некое хаосино, разрушающее сложившийся порядок вещей, что всё так и останется навсегда, и нет никакого воскресения из мёртвых, нет никаких других элементарных частиц, кроме тех, что вычерчивают на экранах свои правильные узкие траектории, складываются в правильные буквы и слова. Как будто не поздно ещё stance, как новое дыхание и мерцание, новое сознание и новое неверие, новое блуждание и новое возвращение, не поздно стать как новая звезда" (новелла "Зигзаг хаосино").

Переноса в текст монадность экзистенции, Андрей Бычков изобретает, по аналогии с физическими частицами, слово "хаосино"... Так писатель передаёт суть частицы-мгновения, так продуцируются и препараты-срезы здесь-и-сейчас-бытия, поочерёдно ложась под вневременный и надмирный микроскоп Универсума...

"Потелуй — жгучий и жадный, влажный и одновременно сухой, короткий, как фотовспышка, и до странности длинный, как освещённый коридор, — да, именно потелуй на моей шее! Я догадался. Да, это была она, моя голубоглазая. Мгновение, целлулоидное и невообразимо живое, плоское и в то же время объёмное заставило меня содрогнуться от блаженства и в то же время и от страшного, разверзающегося по другую его сторону

ужаса, в глубине которого словно бы блеснул и некий параллельный зигзаг — молнией от штыковой лопаты. Шутки обжигающего свистка? Нет, это была доподлинная, дороговая реальность" (новелла "Всё ярче и ярче").

Выверенная, отточенная до уровня стихотворений в прозе стилистика Бычкова только подчёркивает холод и разреженность экзистенциальной бесплотности, проглядывающей через вроде бы незыблемо-привычный (миро)порядок вещей и событий.

"Сон, распоротый пополам, голое тело, пустынный лунный пейзаж и этот чёрный куст посреди безжизненной пустыни, и эта влажная красная ночь, которая каждый раз его порождает, маленький новый троллейбус в синем блестящем плаще, праздный, бессмысленный, лишь бы никто не узнал, маленький троллейбус, который любит сосать эскимо, любит лизать языками пламени, заклинать в Варанаси, что никакой он не Ом,

засидевшийся в комнатах, живущий, как на Луне, где он собирает и разбирает потухшие кратеры, дай-ка же, мой миленькие, я вас разберу, дай-ка же, мой миленькие, я вас соберу, а вам не больно? А вам хорошо?" (новелла "Некто по имени").

Прорыв к вневременному через квази- (и не только квази) смерть, через сингулярную "точку нуля", через катарсис боли-наслаждения. И не случайно, что описанный в одном из рассказов профессиональный философ в акте дефенестративного суицида сетует о медленном течении времени.

Друг и наставник Андрея Бычкова, великий русский писатель Юрий Мамлеев, незадолго до смерти с ужасом констатировал, что большинство индивидуумов современного мира полностью забыли о наличии божественного начала в человеческой душе. Нет ни стремления к Вечному Свету, ни даже самого понятия о нём. Проза Бычкова — напоминание, что внутренний и внешний Бог есть. Хотя бы в виде "хаосино", но есть. И если человек забывает об этом, то экзистенциальное отчаяние и душевная боль всё равно рано или поздно дадут о себе знать. Но теперь лекарство станет ад.

Тема "бытового экзистенциального отчаяния", которую затрагивает Бычков, — несомненная отсылка к классическому русскому литературному нарративу: будить в человеке Бога. Это напоминание погружается в обыденности конформизма субъекту современности о высшем долге индивидуального бытия. Однако такой месседж враждебен нынешнему, с позволения сказать, "общему духовному полю", которое создаётся либерально-гедонистическими элитами. Не секрет, что для "инженеров человеческих душ" давно уже сформулирована задача гасить все формы экзистенциального дискомфорта, формировать у потребителя литературного и иного творческого продукта лишь тягу к получению удовольствий самого примитивного, витального и квазисоциального порядка.

Андрей Бычков — русский классик. И не только по стилистическим выверенному мастерству слова, а прежде всего потому, что бередит душевную боль, возвращает ощущение "внутреннего космоса" и жажды поиска пути к "космосу внешнему". Андрей Бычков оставляет своему читателю надежду прорваться через ад к божественным вечным звёздам.

Юрий СОШИН

ИСТОЧНИК РАДОСТИ

Сборник рецензий

Голубничий Иван "Ответственность слова. Литературная критика". — М. : У Никитских ворот, 2022. — 360 с.

У НАШЕГО ВРЕМЕНИ много характеристик. Практически все они оценивают наши времена далеко не восторженно. Одна из таких оценок — парадоксальность. Действительно, разве не парадокс, что практически всем изменникам Родины, предателям, сдавшим интересы нашей страны стратегическим противникам, которых в недавнем времени игриво называли партнёрами, поставлены памятники, открыты разного рода центры в их честь, поименованы улицы, площади, библиотеки...

Парадокс, что люди самых востребованных в любой цивилизованной стране профессий — учителя, врачи, инженеры, военные, хлеборобы — влечат жалкое существование, а разного рода паяцы, клоуны, шансонетки (которых не так давно при жизни не пускали в приличные общества, а когда те отправлялись в мир иной, то и хоронили вне кладбищ, зарывая за оградами) купаются в роскоши, обещанные с ног до головы орденами.

Ещё один парадокс нашего времени: в стране ежегодно выходит около 100–120 тысяч наименований книг, но литературная критика практически не спрашивает литературный процесс, не отражает происходящее там, редкое произведение удостоивается оценки специалиста, и мало какой из книг уделяется заинтересованное внимание в прессе и профессиональном сообществе. Тогда как в советские времена практически любая работа (вышедшая отдельной книгой или опубликованная в сборнике, в периодическом издании) получала обширную прессу. Причины тому перечислять не будем, а только поразимся, что критика всё-таки не почил в бозе, и есть литературоведы, филологи, которые освещают литературный процесс, помогают читателям найти произведение, книгу, понастоящему достойную внимания, позволяя увидеть там потаённые смыслы, не всегда заметные неискушённому взгляду читателя.

Порой разбор произведения читать не менее интересно, чем само произведение. Хороший литературовед ведёт тебя по сюжетной линии, как краевед — по улицам-закоулкам. Знакомит с героями, помогая заглянуть в их души, понять поступки, домыслить и события, и судьбы персонажей.

Кандидат филологических наук, сфера научных интересов которого — творчество русского поэта Юрия Кузнецова, поэт, переводчик Иван Голубничий — настоящий знаток и ценитель литературы, её возможности, её потенциалов влияния на общество, на его настроение, на формирование личности. Знаток как русской литературы, как многочисленных народов нашей страны, так и мировой, он относится к редкому в наше время числу критиков, которые понимают текст — его смыслы и его красоту. Или его бессмыслицу и языковую нелепость, беспомощность. Из его уст звучат объективные оценки произведений — без оглядки на цеховую солидарность или кумовство.

В книге представлены 76 работ-рецензий, статей о творчестве таких писателей, как прозаики: Юрий Поляков, Светлана Замлелова, Николай Карташов; как поэты: Валентин Сорокин, Владимир Бояринов, Магомед Ахмедов (Республика Дагестан), Сулейман-Хаджи Аутаев (Чеченская Республика), Юрий Богданов; мно-

гих других. Для каждого из них автор находит свою тональность, свою лексику. Особняком стоят серьёзные исследовательские работы о творчестве Владимира Высоцкого, Фазу Алиева, Юрия Кузнецова, беседа с Александром Прохановым.

Парадоксально и то, что имена многих писателей, с кем знакомит читателя Иван Голубничий, не прозвучали покуда широко, хотя их творчество достойно самого пристального внимания, в чём убеждаешься, прочитав исследование представленных произведений.

Возможно, такая ситуация не случайна, а является продуманной политической тех, что "рулит" литературным процессом — издательским в том числе — в нашей стране. Ведь, как в предисловии к книге говорит автор: "Этих писателей, в разной степени известных, пишущих в разной манере, имеющих разный творческий темперамент, объединяет искренний патриотизм, во всей полноте этого высокого духовного понятия".

Патриотизм до недавнего времени был не просто не востребован издательским миром, пестующим либерализм (достаточно посмотреть на лауреатов расписанных литературных премий), но попросту маргинализирован.

Нельзя не согласиться с Иваном Юрьевичем, что произведения авторов, с которыми он знакомит читателя в своей книге, "характеризуют современный российский литературный процесс в его полноте. Собственно, книги этих писателей, изданные зачастую небольшими тиражами, и являют собой литературный процесс таков, каков он есть в текущую эпоху. Протекающий отчасти подспудно, в тени медийных "проектов", этот процесс не останавливается ни на мгновение".

Автор в своих статьях характеризует российский литературный мир в его национальном многообразии, продолжая традицию советского литературоведения.

Многие читатели, отрывая книгу, начинают знакомство с ней, в том числе, решая, приобрести её или нет, взять для чтения в библиотеке или отложить — с оглавления. Оглавление данной книги многообещающее: "Драма и фарс реальности", "Непреходящий центр русской души", "Увидеть таинственное в обыденном", "Герой, которого ждали", "Жить по закону огня", "Таинство строки"...

ВСТАТЬЕ "Ответственность слова", давшей название книге и посвящённой книге Светланы Замлеловой "Нам американцы объявляли санкции" (книга 2016 года) Иван Голубничий отмечает: "... одной из главных проблем сегодняшней патристической мысли является непреодоленная, в сущности, глубоко провинциальная приверженность своего рода круговой поруке, не позволяющей многим даже честным и мужественным авторам проявлять идейную, а порой — и бытовую принципиальность внутри той или иной условной группировки, к которой они принадлежат. Как следствие — в значительной степени вырождение мысли, превращение её в ритуальное кампанье, в котором правильные слова превращаются в штампы, а живой смысл растворяется в словоблудии".

Литература не должна затворяться в "цеху" единомышленников. Это вредит самой литературе, отражается на её качестве, а следовательно, внимание читателей к ней ослабевает, что, безусловно, не на пользу писателям, произведения которых остаются невостребованными.

Книга "Ответственность слова" — это красивый по форме, глубокий по содержанию философский трактат, воспевающий литературу — источник знаний и радости.

Ольга ФЁДОРОВА

Огрызко Вячеслав. Неразгаданный Суслов. — М. : Литературная Россия, 2022. — 472 с.

КАК признаётся сам автор этой книги, в ней поставлено больше вопросов, чем дано ответов. А её главный герой, Михаил Андреевич Суслов (8(21) ноября 1902 — 25 января 1982) — личность в высшей степени закрытая, таинственная и до сих пор действительно неразгаданная. "Самый серый из серых кардиналов", "великий инквизитор" КПСС времён брежневского застоя — во что он действительно верил, к чему стремился и насколько "серым" был в реальности?

Сегодня эти вопросы могут выглядеть как попытка ворошить "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...", представляющие разве что исторический интерес, но большие системы такого уровня, как КПСС и СССР обычно не возникают из ничего и не исчезают бесследно, а критические моменты и трансформации их бытия могут очень многое прояснить в настоящем и будущем тех систем, которые связаны с ними "генетически". Поэтому прошлое стоит не только знать как набор фактов, но и понимать, как оно проецируется в наше сегодня и завтра. Такой сверхзадаче и посвящена книга Вячеслава Огрызко, которая подводит далеко не окончательный, но весомый промежуточный итог в разработке "сусловской" темы.

Ни для кого не секрет, например, что современная Российская Федерация является государством — правопродолжателем и правопреемником СССР на международной арене, а политическая партия "Единая Россия" во многих аспектах и формах своей деятельности напоминает Коммунистическую партию Советского Союза, хотя её идеология и кадровый со-

ОТТЕНКИ СЕРОГО

Историческое исследование

став, казалось бы, ничего общего с той "партией власти" не имеют...

Уничтожение СССР действующий президент РФ охарактеризовал как "жуткую геополитическую катастрофу XX века", в 2017 году добавив к этой характеристике следующую ремарку: "Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет возродить его в прежнем виде, у того нет головы". Аналогичные мысли не раз звучали и раньше, но в год столетия Великого Октября Владимир Путин зафиксировал их на высшем политическом уровне.

В КНР, например, под эгидой КПК ещё в 1990-е годы развёрнута и до сих пор действует очень мощная научно-исследовательская программа, целью которой является всестороннее и максимально полное изучение причин и следствий краха СССР. Это понятно, поскольку "красный Китай" позиционирует себя как социалистическое государство, а потому правящая компартия хотела бы избежать ошибок бывшего "старшего брата".

Зато коллективный Запад, как известно, просто победил из рук Горбачёва и Ельцина статус победителя в Холодной войне и более или менее успешно прибрал к своим рукам всю бывшую советскую зону влияния в Европе и по всему миру, плюс союзные республики, не исключая и собственно Российскую Федерацию. При этом зашла речь о "конце истории", а весь советский проект длительностью в семьдесят с лишним лет, с двумя величайшими в мировой истории технологическими модернизациями экономики, с Победой 1945 года, с проходами в космос и к энергии атомных ядер, был объявлен сплошной чередой неудач и преступлений "тоталитарного режима" и

чуть ли не "близнецом" гитлеровского Третьего рейха.

Во многом из-за такой установки, имеющей мало общего с действительностью, теперь, через тридцать лет после 1991-го, США и их союзникам по "свободному миру" пришлось столкнуться с реальностью, которую они почему-то характеризуют как возрождение "извечных имперских амбиций" России и стремление "хозяйна Кремля" (это на 22-м году путинского правления?! — **В.В.**) словесными методами вернуть страну к границам советского периода.

В данной связи явно стоит напомнить заявления Путина о том, что "границы России нигде не заканчиваются", и задаться вопросом, что всё это такое: случайное стечение обстоятельств, стихийный ход событий — или же результат реализации некоего "пути зерна"? Подобная постановка вопроса сама по себе говорит о том, что определённого и точного ответа на него пока не существует. Однако фигура М.А. Суслова, которой посвящена книга Вячеслава Огрызко, в любом случае способна дать некоторые ключевые элементы для сборки.

СЛИШКОМ долгое время, с конца 1940-х годов и вплоть до своей кончины, выходя из крестьян-бедняков Саратовской губернии был одним из самых влиятельных деятелей ЦК — можно сказать, идеологическим и организационным "поцманом", определявшим курс и компартии, и советского государства в целом. Но (чего, впрочем, и стоило ожидать) Михаил Андреевич оказался "крепким орешком", а его биография переполнена "белыми пятнами" и "чёрными дырами".

Пожалуй, самым странным и необъяснимым в длившейся почти шестьдесят лет политической карьере Суслова — и это обстоятельство специально отмечается в книге — был перевод весной 1946 года с поста председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР, где он работал с ноября 1944-го, то есть менее полутора лет, на должность руководителя отдела внешней политики ЦК ВКП(б).

Вячеслав Огрызко, "перерывший" расклевываемую частью партийных, военных и государственных архивов, считает, что возможности точно назвать те конкретные силы и фигуры в послевоенном сталинском руководстве, которые обеспечили такой перевод из Вильнюса в Москву, в настоящее время нет. В качестве возможно частных к этому карьерному "прыжку" автор называет и Вячеслава Молотова (с чьей женой Полиной Жемужужиной Суслов учился на Пречистенском рабфаке в 1921–1924 гг.), и Андрея Андреева, и Отто Куусинена (политического "крёстного отца" Юрия Андропова), и Георгия Маленкова, и многих других видных деятелей той эпохи — пожалуй, за исключением Лаврентия Берии.

Во всяком случае, к тому времени все в сталинских "верхах" знали Суслова как ответственного и квалифицированного работника, способного успешно руководить достаточно крупными структурами (краевого уровня — на Ставрополье и республиканского — в Литве), для большинства он был "своим", тем "винтиком общего дела", надёжная работа которого была гарантирована практически в любых возможных условиях.

То есть главным "двигателем" Михаила Андреевича был прежде всего он сам, его личные качества, более чем востребованные в условиях, когда после Победы 1945 года "фронт работ" для коммунистического проекта существенно расширился, и дефицит руководящих кадров, переживших предвоенные "чистки", а также военное лихолетье приобрёл критические масштабы. Суслов оказался в числе той корпорации партийно-государственных функционеров, которые попали в послевоенный "сталин-

ский призыв", и сумел не только удержаться на столь высоком уровне, но и занять там ведущие позиции.

СЛАБОЕ личное здоровье (последствия бедного детства и юности, а также перенесённых тогда же тифа и туберкулёза) Михаил Андреевич с избытком компенсировал силой воли, железной самодисциплиной, эффективной организацией труда, феноменальной памятью и редкой уравновешенностью в общении. Вообще, вся полспервополночная и послевоенная эпоха советского периода отечественной истории характеризовалась творческим рывком многомиллионных народных масс, своего рода вулканическим взрывом накопленной в них энергии. Этот взрыв, вынесший наверх в том числе и Суслова, вдобавок совпал во времени со всемирной научно-технической революцией и фундаментально изменил "климат" существования для всего человечества в целом. Возможно, сама эта эпоха (в преполюмени на личности конкретного человека, одного из ключевых её фигур) и является главным героем предпринятого Вячеславом Огрызко, несомненно, заслуживающего продолжения и развития, труда.

Соответствовал ли Михаил Андреевич требованиям 1960-х–1980-х годов, когда ему, одному из самых авторитетных лидеров уже брежневского Политбюро ЦК КПСС, пришлось решать задачи не только глобального, но и качественно иного, с прицелом уже на XXI век, уровня? Судя по известным и видимым нам историческим последствиям, нет или же вполне. Но заложенный в эпоху "застоя" фундамент, в том числе и под руководством Суслова, явно помог нашей стране не только пережить "перестройку" и "рыночные реформы", сопоставимые по своим разрушительным последствиям с полномасштабным ядерным конфликтом, но и выйти сегодня, через 40 лет после смерти Михаила Андреевича, на противостояние с коллективным Западом. История продолжается.

Владимир ВИННИКОВ

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Книги-ребусы

Шмырёв Максим. Устье. — М. : Столица, 2021. — 296 с.
Шмырёв Максим. Ключ. — М. : Столица, 2021. — 256 с.

"АВПЕРЕДИ длинный коридор, много дверей, только все они ведут ещё глубже: в позавчерашнее, позавчерашнее". Стиль Максима Шмырёва — изыскан и в то же время крепок, звонок, точно шага мускетера эпохи барокко. В текстах Максима есть то, чего так недостаёт современной русскоязычной литературе, — благородство. Нынешний хромой постмодерн и немый псевдореализм, настоящие на хайпе, не дают никаких ответов, хотя и вопро-сам не задают вопросы. Шмырёв — воин-одинок. Несмотря на то, что он создаёт фэнтези-сарту (а это самый лакомый кусок для графоманов), его тексты отличаются от привычных образов этого жанра. Ещё приступая к первой части повествования — "Гавань", я испытывала двойственные чувства. Да, было понимание, что выпускник Литературного института, в принципе, не может писать банальности, но вертелась и ехидная мысль: фэнтези бывает плохое и очень плохое. Я хотела ошибиться и — ошиблась.

Передо мной — продолжения темы, и снова мы видим названия-ребусы: "Ключ" и "Устье". Часто бывает, что автор выдыхается не только к третьему действию, но и ко второму — Шмырёв держит марку до конца. Пересказывая содержание — бессмысленно, ибо это не обычный эскиз с поисками артефактов и победами, но уточнённая явь разума, близкая "Игре в бисер" Германа Гессе. Полагаю, сама фабула тут не главное — тут безраздельно властвует Слово.

"Вечером, когда в моём парке будут ложиться длинные тени, перевитые лунным светом...", — прищелкнуло для глас. Волшебные картины, рисуемые Шмырёвым, осязаемы и ощущаемы. Более того, они пригнаны для волевых интерпретаций. Читая "Ключ" и "Устье", поймала себя на мысли, что это — не "задекларированный" Асгард — город богов, но... удивительные осколки человеческой цивилизации, как будто уцелевшие после глобальной катастрофы.

Это постапокалиптика, но не мрачная, как это модно у писателей, — светлая. Люди будто бы пытаются собрать Культуру из тех самых артефактов, башен, книг, легенд, ножей и кутерьбных трубок. Позволю себе ещё небольшую цитату: "Стародуб был древним городом. Его прошлое, будто древесные корни, укоренялось в неизменной глубине, днях, когда здесь жил таинственный народ, который потом делал куда-то: то ли ушёл в леса, то ли уплыл по реке Осёнке, протекавшей через город. Впрочем, некоторые из последующих жителей, поселившихся здесь, — русые и голубоглазые охотники и воины — утверждали, что видели остры на холмах, горящие факелы в чаще — будто древний народ иногда навещал свою родину, и на могильных курганах звучали его песни, которые разносил ветер". Стародуб стоит на границе с Окраиной. Это реальный город в Брянской области, расположенный недалеко от Украины. Что это, как не коллективное воспоминание о реальности, которую персонажи хотят уловить в своих грёзах? Самый пронзительный фрагмент выглядит обыденным — сон одного из героев, где видится девочка в белом, качели, ранний вечер: "Мне тогда было три года, и я думал, что прожил очень долгую жизнь, но почему-то почти забыл её".

Этот замкнутый и в то же время разветвлённый мир собран из мемуаров и обрывков текстов. Призрачные всадники и короли в длинных плащах, а потом резко — барные стойки и "Осеннее дефиле моделей". Некие Торговые Города, где создаются деревянные мечи, Тайные Башни... Библиотека Асгарда, которая "... была огромным парком" и здесь же — мотоциклы, механики, моторы, запах кофе и табака. У Шмырёва — идеальное чувство прекрасного, а оно — везде. То оно возвышенно, как "Младшая Элда" или поэзия менестреля, то внезапно становится мило-обывательским, как старый буржуазный "Глянц", утративший ныне весь свой лоск под спудом бодипозитива и толерантности. Неслучайно именно этот автор создал в 2015 году самую красивую эпитафию на могиле "Плейбоя".

ЭФФЕКТНЫЕ описания красок — один из козырей Шмырёва: "Её смуглые руки украшали браслеты, в мочках ушей раскачивались крупные круглые серьги. Скулы были затенены, на губах появилась тёмно-красная помада, и тени под глазами — Паола позаботилась о макияже. Она шла по улице, на которой то вспыхивали, то гасли фонари, выцветшие рекламные плакаты были в подтёках дождя". Из этих силуэтов и духовный складывается колдовской образ — вечное возвращение в Сад.

Художественный вымысел соседствует с публицистическими откровениями, а глава "Старики" может считаться гимном мудрой, успокоенной старости: "Наше время проходит под знаком вечной молодости — сорокалетие только вступают в жизнь, пятидесятилетие влюбляются, подобно мальчикам. Старость отодвинула куда-то далеко... Нам не хватает старости — в жизни, в политике, в искусстве. То есть прошлого у нас много. Однако не хватает именно старости — твёрдой, честной, подобной пропитанному солью дереву". Шмырёв рассуждает изящно и с удовольствием. Это книги для зрелого ума, распахнутого наёмки и умеющего ценить игру в бисер, которая по факту и не игра вовсе...

Галина ИВАНКИНА